

Юрий Бондарев

СТИЛЬ И СЛОВО

Да стоит ли снова писать о стиле, предъявлять жесточайшие требования к мастерству писателя, к форме, к языку? Быть может, это лишь помешает нашей литературе полно и четко выражать комплекс идей?

Я хорошо помню, как одна известная писательница несколько лет назад высказала мысль о том, что мы, литераторы, живем в новый стремительный век, пытаемся запечатлеть приметы эпохи, его идеи, и нам некогда отшлифовывать свои вещи, оттачивать стиль, — пусть читатель простит нам. И сейчас нет-нет да раздаются голоса, как бы успокаивающие молодых писателей: мол, мастерство — «дело наживное». И, говоря об этом, ссылаются на письмо Горького, забывая, в какие годы писалось оно.

Разумеется, поверхностный читатель может простить несовершенство произведения. Но не простит время, не простит большой, требовательный читатель, не простит будущее, которое уже ожидающе-пристально смотрит на нас издалека.

Уверен, что мы стоим на пороге необычайного подъема литературы. Ведь и сейчас заметно, как ярко обновляется искусство — ежегодно приходят в него молодые имена, заявляя о себе полновесно и сильно. И в литературе нашей появляется много индивидуальностей, появляются различные манеры письма, подчас очень точные и емкие. Но что есть критерий художественной формы? Где образец? Совершенно очевидно, единого образца не может быть в искусстве. Чехов не пытался писать, как Толстой, Бунин — как Чехов, Флобер — как Бальзак, Мопассан — как Флобер или Золя. Они с необычайной мощью выражали свое время и себя, обладая разными стилями, разными темпераментами. Их объединяли правда и естественность образных средств, то есть художественных доказательств, особенного, индивидуального способа выражения действительности. Чем больше художник, тем ярче и своеобразнее его стиль. И тем больше очарования исходит от его искусства, неповторимой красоты слова, которое звучит, обретая душу, живет, обновляется под пером мастера.

Нельзя полностью повторить стиль художника.

Думаю, что тем стилем, которым написаны «Попрыгунья» или «Дом с мезонином», невозможно написать роман о трагических днях начала войны 1941 года. Даже роман о любви, заключенный в форму чеховской или бунинской прозы, звучал бы сейчас, видимо, архаично, точнее — вневременно. При всем блеске стиля, при всей весомости художественных приемов и средств такому произведению многого недоставало бы. Не хватало бы, возможно, «современного воздуха» нашего атомного и технического века. И наших забот, чаяний, беспокойств.

Я говорю здесь не о прямом выражении примет времени, но о том, что незаметно, пусть подсознательно (мы почему-то очень боимся этого слова,

говоря об искусстве) вплетается в ткань вещи, в стиль ее. Эпоха беспощадно и властно накладывает свой отпечаток на явления жизни, на факты, на чувства, на процесс мышления.

Все признаки эпохи с ее противоречиями, поисками, страданиями, радостями и тревогами за судьбу мира отражаются в стиле, языке лучших книг.

Стиль современных произведений более взволнован, более взлохмачен, в нем чувствуется нервный ток в гораздо большей степени, чем, например, в эпически-спокойных романах Гончарова или Тургенева.

И конечно же, нет смысла говорить (как это еще порой говорят), что Толстой или Тургенев написали бы ту или иную нашу книгу иначе. Их стиль отражал свою эпоху. Мы не носим сейчас костюмов XIX и начала XX века. Мы не строим дома в стиле средневековой готики или барокко. Мы наслаждаемся красотой письма классиков, мастерством, гениальным полетом человеческой мысли, но мы живем в ином ритме, в ином окружении, в иных связях. Стиль с его особой окраской слов, оттенками, интонацией, даже эпитетами — это зеркало времени.

Слова имеют свое сердце, свое дыхание. Сердце слова начинает биться в унисон со временем лишь при точном сочетании с другими словами. В этом проявляется свежесть таланта. Как бы ни был обстоятелен и мускулист стиль и язык Виктора Астафьева и Георгия Семенова, для меня он звучит ново и естественно, так же как и мягкое поэтическое письмо Василия Белова, Юрия Трифонова или Виктора Лихоносова.

Сочетания слов у этих писателей вызывают нередко чувство новизны, появляется аромат времени, вы ощущаете нерв, его пульсирующий ток, как бы колюче ни цепляли вас «корявость и неизящество» современного диалога, иногда рваный его ритм.

В пятидесятые годы мы много читали книг, написанных от лирического «я», книг откровенных, книг-исповедей. В этом «я» пленительная доверительность рассказчика и прожившего интересную жизнь человека, молодость и зрелость писателя, оценивающего прошлое, но порой стиль этих книг страдал излишней разговорностью, был загромажден фамильярными посторонними фразами, составленными из первых попавшихся слов.

Стиль — это все способы, приемы образной системы автора. Это весь комплекс средств для наилучшего выявления мысли. Это отражение сущего через страсть художника. Это действительность, преломленная через его сознание.

«Железный поток», «Тихий Дон», «Разгром» — вещи сугубо реалистические, обнаженные. Герои их неслись в потоке революционной бури, им были свойственны предельные человеческие страсти. И стиль этих романов ярок, грубоват, подчас нестеснительно солон. Ведь мы имеем дело с писателями-реалистами, до ясновидения чувствующими характеры, время.

Мне трудно представить в романе о последней войне момент самого яростного боя, когда с железным грохотом ползут на орудия танки, когда

горький пот застилает глаза, когда ствол раскален и горячие гильзы выскакивают из казенника, когда дыхание смерти обжигает черные воспаленные лица, — трудно представить вежливые команды, дистиллированный язык героев.

Совершенно ясно, что я говорю об этом не потому, что хочу защитить «грубый» стиль и язык, а потому, что почти нет такого слова, которое было бы запретным в искусстве. Вся задача, в каком окружении оно, в каком контексте, в какой эмоциональной окраске, в какой светотени.

В богатейший русский язык, казалось бы, никак «не лезло» слово «респектабельный». Но припомните, как «легло» оно в одном абзаце у Пановой, посвященном описанию Листопада через восприятие Нонны Сергеевны. Я не люблю слова «пауза», но оно превосходно ложится в прозе В. Некрасова, а применил он слово «молчание» — оно так и ломало бы ритм, настроение, стиль его.

Флобер говорил: нет ничего, кроме стиля, и мучился в бессилии над каждым словом, ускользавшим из-под пера, над каждым эпитетом. Он считал, что только одно прилагательное может окрасить чудодейственным светом то или иное явление жизни. Он, проверяя себя, читал свою прозу вслух и говорил друзьям, что настоящая фраза не должна мешать дыханию. Он постоянно заботился о ритме прозы, об этом необходимом элементе стиля, передающем часто почти физическое ощущение движения.

У Константина Паустовского, выдающегося мастера слова, есть рассказ «Дождливый рассвет». Это история встречи человека с женщиной, с женой друга, это история любви, которая могла быть. Грустный этот рассказ написан поразительно тонко, щемяще-лирично, его нельзя забыть.

Весь он пронизан шумом дождя, стуком капель, тишиной в деревянном домике и звуками, шелестами, движением дождливой ночи в маленьком городке. В начале рассказа есть краткая фраза: «Пахло укропом, мокрыми заборами, речной сыростью». Что может быть точнее этой скупой фразы, передающей не только ощущение длительного дождя, но и рисующей и ночь, и городок, и одиночество человека? Точная расстановка найденных слов высекает искру прекрасного — и вы испытываете волнение. Вы уже соучастник событий, вы покорились писателю и следуете за ним, глядя на жизнь его глазами.

Стиль обладает большой властью. Он является средством влияния на умы и чувства людей. Вместе с тем он верный проводник искусства. Работа над словом и стилем трудоемка. Она тяжка вечным неудовлетворением, мучительными сомнениями в поисках единственно верного сочетания слов. Но это тот труд, без которого нельзя называться писателем.

И какие бы благие идеи и мысли, какие бы глубочайшие характеры ни возникли в нашем сознании, как бы мы ни хотели помочь людям стать человечнее, все наши помыслы и желания останутся лишь благими намерениями, если мы не нашли самых простых и ясных — и одновременно

сложных — способов выражения. И если не выработали свой стиль. В противном случае книге суждена недолгая жизнь мотылька-однодневки.

Борьба против серости и стертости, против риторики и лобовой дидактики, которые еще есть в нашей литературе, — это борьба за стиль, за прекраснейший, полнозвучный русский язык, посредством которого мы только и можем донести самые высокие идеи и чувства до сердца читателя.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66

